

Жизнь слова *Nazi* во французском языке¹

ЛЕО
ШПИТЦЕР

История этого слова и самого явления в Германии хорошо известна. Слово *Nazi* сформировано по тому же образцу, что и *Sozi*, которое в свою очередь представляет собой фамильярную, иронически окрашенную стяжку от *Sozialist*. Форму *Sozi* (во Франции говорят *démoc-soc'*) я слышал еще в юности; ее, судя по всему, ассоциировали, с одной стороны, со словом *socius*, – «дольщик, компаньон» (в коммерческом смысле), – что доказывалось формой множественного числа: *die Sozis* – «дольщики»; с другой стороны, оно созвучно с окончаниями слов вроде *Spezi* – «закадычный друг» (*mein Spezi* – сокращение от *mein spezieller Freund*). Словом *Sozi* никогда официально не называли политическую партию, оно всегда в той или иной степени оставалось насмешливым прозвищем; с грамматической точки зрения *Sozi* – это всегда существительное.

Немецкое слово *Nazi* в точности воспроизводит ту модель, что задана в слове *Sozi*, – по форме и, собственно, по содержанию: *Nazi* как сокращение от *National-Sozialist*² представляется усечением, тем более необходимым, если учесть, что в полном варианте слово оказывается значительно длиннее просто «социалиста», и тем более удобным, если учесть, что

Лео Шпитцер (1887–1960) – австрийский и американский романист, языковед, литературовед, один из создателей «лингвистики текста» как междисциплинарного филологического направления.

1 Перевод по: SPITZER L. *La Vie du mot nazi en français // Le Français moderne*. 1934. Vol. 2. № 1. P. 263–269. – Примеч. перев.

2 Само движение зародилось в Баварии, поэтому с формой *Nazi* вполне можно сопоставить омонимичное гипокористическое имя (*Nazi* – южнонемецкая ласкательная форма от *Ignaz*). В словаре Шмеллера приводится баварский оборот «*haes, Nazi!*» (*haes = heiß*, «горячо»), который поясняется как «*üblicher Ausruf, wenn man sich gebrannt oder etwas unvorsichtig heraus gesagt hat* [расхожее восклицание, когда кто-нибудь обожжется или скажет что-то опрометчивое]. В словаре швабского диалекта Фишера сообщается, что *Naze*, уменьшительная форма от чисто католического имени Игнаций, широко используется как насмешливый эпитет («*dummer, täppischer Kerl*» [туповатый, неуклюжий малый]), причем не только в католических регионах. В Швейцарии (см. «*Schweizerisches Idiotikon*») оборот *s Nazi* означает «*wunderliche Person*» [чудак, чудила]. Мне доводилось слышать, что в Базеле – задолго до появления нацистской партии – выходило детское приложение к газете «*Basler Nationalzeitung*» под названием «*Der kleine Nazi*» [Маленький Наци (из *Nationalzeitung*) / Маленький дурачок]; эта игра слов лишний раз подтверждает наше предположение, что в названии нацистской партии сливаются сразу несколько совершенно различных слов. В Вене слово *Nazi* иногда использовали в качестве перифразы для личного местоимения первого лица: *Natzi (Natzler) tut das nicht* [Наци этого не делал = я этого не делал] – как в бытовой речи, говорил иногда мой отец (а звали его Вильгельмом!). У меня сложилось впечатление (прямых доказательств, правда, не обнаруживается), что форма *Sozi* зародилась где-то в австрийских кругах, а значит – на южных землях. Вообще слово *Sozi* сейчас уже вышло из употребления, и вспоминают о нем только благодаря его дочерней форме *Nazi* – такая вот дочь, убившая отца! Нацистская пропаганда неспроста покончила с формой *Sozi*: это слово не обидное, в нем есть даже какой-то оттенок симпатии и товарищества; у гитлеровцев фигурировали только «марксисты». Тот факт, что уменьшительный аффикс *-i* характерен для

первым слогом подчеркивается отличие от *Sozi*, а заключительное *-zi*, судя по всему, указывает, если можно так сказать, на партийную принадлежность. Отмечу, что *Nazi* – это тоже насмешливое прозвище, которым, в основном, пользовались те, кто не принадлежал к числу сторонников этого движения³. Свою партию национал-социалисты всегда считали чем-то исключительным, поэтому их вообще не устраивала идея о том, чтобы встроиться в партийную череду, встать с кем-то на один уровень. Тем более есть тут и третий участник, совсем не лишней: имею в виду так называемых *Kozis*, или коммунистов. Суффикс *-zi* просматривается во всех названиях партий и во многом свидетельствует о досадной грамматикализации, об усреднении:

Na }
So } zi
Ko }

Это принципиально не соответствует претензиям национал-социализма на собственную исключительность⁴. Кроме того, форма *Kozi* не прижилась и в обиходном языке не закрепилась (даже в период до разгрома коммунистической партии в Германии).

юга Германии, нисколько не помешал вхождению этих форм на север: многие южные формы разошлись по всей стране – это и *Bubi*, и *Mädi*, и даже *Mutti*, *Vati* [малыш, малышка, мама, папа]. В некоторых районах Германии (в Рейнской области и некоторых других.) говорят: *er ist Hitler* в значении «он гитлеровец»; или *die Hitler* – «гитлеровцы». Видимо, финальное *-er* из фамилии Гитлера смешивает форму со словами вроде *Tischler* («столяр») и другими названиями профессий: в данном случае под работой понимается партийная деятельность. Такое объяснение однозначно доказывается следующим фактом: в тех регионах, где говорят *die Tischlers* (Вестфалия и прочие), говорят и *die Hitlers*. Никогда не услышишь форм вроде *die Göhring*, *die Brüning* и так далее.

- 3 Сейчас сложно себе даже представить серьезного национал-социалиста, который говорил бы: «Мы, наци». Партийные руководители этим словом пользоваться не желают; историческая судьба слова *gueux* [нищий = *gêz*] ему определенно не светит, хоть иногда нацисты в полемике и воспроизводят воззрения своих оппонентов: вот, например, слова доктора Геббельса (10 февраля 1934 года): «Da man es vielfach verabsäumt hat, sich mit dem Problem des Nationalsozialismus auseinanderzusetzen, hatte man sich unter uns Nationalsozialisten so eine Art von Kulturbarbaren vorgestellt» [Многие, не справляясь с вопросами национал-социализма, изображают нас, национал-социалистов, какими-то культурными варварами]. Так было не всегда: до 30 января 1933 года, то есть до вхождения партии во власть, вполне можно было услышать (особенно от бывших коммунистов: партию поменять проще, чем лексикон!) фразу вроде «Ich bin Nazi geworden» [Я стал наци]. Таким образом, упрощенно говоря, можно выделить три стадии в жизни этого немецкого слова: (1) стадия насмешки (словом *Nazi* пользуются только те, кто не принадлежит к числу национал-социалистов); (2) стадия объективизации и приближения к нейтральному значению (*Nazi* как обозначение партии); (3) стадия поражения в правах (после прихода национал-социалистов к власти).
- 4 Тот же принцип категоризации просматривается в таких формах, как *Schupo* (от *Schutzpolizei* [охранная полиция]) и *Sipo* (от *Sicherheitspolizei* [полиция безопасности]). В Берлине, бывало, шутили, что название *politische Polizei* вряд ли сократят по той же схеме... Слово *Kozi*, отмечу, произносится с долгим *ö*, что явно указывает на его происхождение от *Sözi* (ведь в слове *Kommunist* звук *o* краткий). Скорее всего эту форму изобрели в социалистических кругах: для гитлеровской пропаганды она слишком беззлобная, а для правых партий – слишком вульгарная (в этой среде вряд ли кому-то понравилась бы аллюзия на глагол *kotzen* [блевать]). *Kozi* так и осталось личным достоянием социалистической партии – вместе с этой партией слово и умерло.

Во Франции судьба слова *nazi* была совершенно иной. *Les nazis* – так, конечно, никогда не говорили в официальной речи; иронический подтекст поначалу сохранялся, но в целом, на мой взгляд, французское слово *nazi* очень быстро стало нейтральным, техническим термином, так что на сегодняшний день все ироническое из него уже испарилось. В редакционных статьях «Le Temps» до сих пор, как я мог заметить, слово *nazi* ставят в кавычки, чтобы опять же подчеркнуть свою объективность – *le gouvernement «nazi»*; в менее официальных фрагментах где-нибудь не на первой странице кавычек уже нет⁵. Еще в мае 1932 года мне попадались выражения вроде *députés nazis* безо всякого уничижительного оттенка.

Чем же объяснить такое расхождение между французским и немецким употреблением одного и того же слова? Прежде всего – французы, с их высокой политической культурой, умеют в любом движении выделить его объективные, теоретические стороны, нисколько не взирая на то, что сама идеология может во всем противоречить традиционному складу политического мышления⁶. Те причины, по которым гитлеровцы не принимают этого слова в Германии, здесь, во Франции, просто не играют никакой роли: вот и еще один фактор. Практически все французы – что правые, что левые – относятся к немецкой национал-социалистической партии довольно сдержанно и с опаской; слегка подтрунивать над «наци» – здесь никому это не покажется крамоллой. Еще можно добавить, что слово *nazi* во Франции никак не ассоциируется с *Sozi* – эту последнюю форму здесь, пожалуй, и не знают вовсе; независимость слова позволила ему развиваться свободнее. Может быть, это слово, короткое и энергичное, в глазах французов лучше выражает суть самой партии, чем расплывчатое *national-socialiste*? Тем

- 5** Вот, для примера, в «Bulletin du jour» от 30 января [1934 года] пишут: «реакция национал-социалистической Германии [de l'Allemagne nationale-socialiste]»; на второй странице той же газеты, в менее объективной статье под названием «Угроза для австрийской независимости», встречается такой подзаголовок: «Les journaux nazis clandestins» [«Подпольные газеты наци(стов)»] (в том же параграфе речь заходит о «нацистских листовках [les feuilles nazistes], что подпольно печатаются в Австрии». На той же странице, под рубрикой «В Германии», – такое: «L'anniversaire de l'avènement des nazis au pouvoir» [«Юбилей прихода наци(стов) к власти»]. На последней странице, в разделе новостей, речь опять заходит об этом событии; там читаем: «L'anniversaire de l'avènement du national-socialisme au pouvoir» [«Юбилей прихода национал-социализма к власти»] – более серьезная форма, объяснить которую можно непосредственным впечатлением журналиста от торжеств по случаю годовщины. В номере от 11 февраля под заголовком «Nazi condamné pour port d'uniforme interdit» [«Наци(ст) осужден за ношение запрещенной формы»] обнаруживается следующая новость: «В Сарбрюке муниципальная полиция задержала национал-социалиста [a arrêté un national-socialiste] в форме; его [...] приговорили к штрафу [...] в размере 125 франков за ношение нацистского значка [pour port de l'insigne nazi]». Укороченное слово часто требуется в заголовках; *l'insigne nazi* звучит гораздо естественнее, чем *l'insigne national-socialiste*: формы на *-iste* почти всегда относятся только к людям.
- 6** Для французского общественного мнения вообще характерна объективность, беспристрастность суждений. Иностранцу, не знакомому с речевыми нюансами, это не всегда очевидно: множество недоразумений, допустим, связано с семантикой слова «бош», а ведь даже во время войны эта форма не была столь оскорбительной и столь экспрессивной, как многие думают. Примерное значение этого слова – «типичный немец».

более, два этих слова – *national* и *socialiste* – во Франции порождают совершенно разные ассоциации и не очень-то сочетаются друг с другом. *Nazi* – это портрет в овальной раме, а *national-socialiste* есть нечто смутное и расплывчатое, без ясных контуров. Есть и грамматические аргументы против формы *national-socialiste*: порядок слов здесь противоречит французским правилам; как к тому же говорить: *les national-socialistes* (как в *les social-démocrates*⁷) или *les nationaux socialistes* (опереться можно на форму *les nationaux allemands* – *die Deutschnationalen* [немецкие националисты = члены Немецкой национальной партии])? Французам остается выбирать между двумя оборотами, один из которых оскорбляет грамматический вкус (*les national-socialistes*), а второй не вполне соответствует сути дела (*les nationaux socialistes* – это такие националисты, которые одновременно еще и социалисты; на деле же гитлеровская политическая программа во многом построена на слиянии двух явлений в одном)⁸.

Язык не попадает в эту ловушку и находит другой путь: официальный термин, неудобный и грамматически отталкивающий, просто отбрасывается, а его место занимает другое слово – фамильярное и насмешливое, но зато сжатое и энергичное, да и к тому же имеющее определенные грамматические преимущества. В немецком *Nazi* – это существительное и только существительное; составные слова вроде *ein Naziblatt* (как называют гитлеровские газеты) или *ein Nazilokal* образованы по модели *Regierungsblatt*, *Regierungslokal* [правительственный печатный орган, правительственное ведомство; от существительного *die Regierung*] и так далее. На французском вместо *Naziblatt* – если переводить это слово – получаем *jornal nazi*: отсутствие составных слов во французском языке автоматически переводит *nazi* в категорию прилагательных. Так появля-

7 В Италии боролись с этим неудобством и пытались унифицировать названия двух партий: в «Corriere della Sera» от 11 февраля 1934 года мне попалась одна статья об Австрии, где *social-nazional* вступают в противостояние с *social-democratici*. Слово *nazi*, как мне кажется, в Италии используется очень редко: свою роль здесь играют и политические взаимоотношения двух государств, и сродство идеологий, проповедуемых двумя режимами.

8 Название должно соответствовать предмету: именно поэтому, как мне представляется, во Франции гитлеровское правительство (*gouvernement, parti*), равно как и гитлеровское движение в целом, часто характеризуется словом *raciste*; в Германии так вообще не говорят. «Национальную» ориентацию гитлеровцев французы замечают «расистской», в чем с явностью проявляется общефранцузская оценка всей этой немецкой затеи. Еще, на мой взгляд, есть очевидное созвучие, объясняющее такую популярность слова *raciste*: оно рифмуется с *fasciste* (по-французски чаще всего произносят здесь «с», а не «ш»). *Raciste* и *fasciste* – вот словесная пара, во многом отражающая коалицию двух авторитарных режимов, немецкого и итальянского, в значительной степени союзных. Слово *raciste* заметно старше гитлеровского движения; так традиционно переводят немецкое *völkisch*. Понятие о национализме во Франции всегда связывается с цивилизационной общностью, а не расовой. В этом нет германской преопределенности.

Г-н Доза указал мне еще на одно обстоятельство, которое могло, в теории, поспособствовать широкому распространению слова *nazi* среди городских обывателей низшего класса, склонных ко всяческому непристойным аллюзиям: речь идет об омонимии со словом *nazi*, «сифилитик»; форма зафиксирована у Риго (1878), Делесая (1896), Виллата, Доза и Лакассаня.

ются обороты вроде *la dictature nazi* (еще пишут: *nazie*), *des opinions nazi(es)*, *une attitude nazi(e)*.

Фонетически форма *Nazi*, конечно, далеко отстоит от официального названия партии. Нельзя отрицать и того, что произношение этого заимствованного слова сопряжено с некоторыми сложностями. Есть два подхода: первый – это приближение, хоть и не полное, к немецкой модели (то есть к *nātzi*; французское произношение я скорее передал бы как *nadzi*); второй – по принципу «читать, как написано» (немецкое *z* (= *ts*) произносится на французский манер; ср. с произношением *fascisme* через *s*). На мой взгляд, форма *nadzi* явно уступает автохтонному произношению; чужеродный (в такой позиции по крайней мере) немецкий звук, который здесь можно найти разве что в слове *jazz*⁹, произносят лишь те французы, что знают немецкий и имеют в какой-то степени склонность к педантизму.

В статье под названием «Что такое национал-социализм?» (опубликованной в «La N[ouvelle] R[evue] F[rançaise]» от 1 февраля 1934 года, но датированной 10 июня 1933-го) г-н Л. Троцкий (или его переводчик) использует форму *nazzi* (ср. опять же с *jazz*); в постскриптуме от 2 ноября 1933 года – уже *nazi*. Стоит ли полагать, что в этот промежуток времени, между июнем и ноябрем 1933 года, термин был натурализован, «офранцузен»? Фонетический разрыв между *national-socialisme* и *nazi* еще и потому вполне допускается, потому не противоречит духу языка, что в реальности между людьми и их учением тоже пролегает граница. Слово *nazisme* (ср. с *racisme*) встречается редко (чаще можно встретить форму *naziste*); Троцкий многократно упоминает *les naz(z)is*, но при этом последовательно называет саму идеологию полностью – *la national-socialisme*. Ср. у него: «Костры, на которых горят нечестивые книги марксистов, сами по себе уже проясняют классовую природу национал-социализма [la nature de classe du national-socialisme] (р. 315). Даже когда *наци* [*les nazzis*] были просто партией и не воплощали собой государственную власть, к рабочему классу подступов они не знали». «Своему перевороту *наци* [*les nazzis*] присвоили имя революции. На деле же – что в Германии, что в Италии – *фашизм* нисколько не меняет социальную систему» (р. 316). Само движение, очевидно, есть нечто официальное; но люди, которые его составляют, – это плоть и кровь, это просто группа неких «товарищей». Даже такой доктринер, как Троцкий, – любопытный, кстати, момент! – не может не подчиниться фундаментальному лингвистическому закону, закону законов: *человеческий язык создан в первую очередь, чтобы говорить о человеческом*. По сравнению

ЛЕО ШПИТЦЕР

ЖИЗНЬ СЛОВА NAZI
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

⁹ Еще, можно добавить, испанское слово *plaza* произносят как *pladza*, см.: Le Français moderne. [1933. Vol. 1. № 2.] P. 187.

со всякого рода «измами» слово *pazzi* ближе к человеку, несмотря даже на его насмешливое звучание (а во многом и благодаря этому!). Идеологи вроде Троцкого пишут об этом явлении со злобой и с отвращением, и все-таки в самом словоупотреблении проглядывает какое-то людское братство, какая-то основополагающая симпатия человека к человеку, пусть даже это смертельный враг; «измы» же – это всегда холодная абстракция, которая людей разделяет. Язык на нас возлагается как обязательство; и тот интеллектуал, который не только понимает историю, но и творит ее (например теоретик русской коллективистской революции), непременно должен утверждать человеческие права перед лицом истории. Французское слово *pazi*, в котором практически нет полемического содержания, хорошо иллюстрирует эту идею (довольно, в общем-то, популярную): исторические силы изображать следует в лицах, соотносить их следует с конкретными людьми, приведшими процесс в действие. Троцкий, как мы видели, идеологически атакует своих личных недругов, а значит – все-таки! – людей.

Из всего сказанного можно извлечь один урок: заимствованные слова, как и все эмигранты, попадают в совершенно иные жизненные обстоятельства; у них появляются новые связи и новые разноречия; материальная (то есть фонетическая) идентичность слова совершенно не гарантирует, что при переходе между языками оно будет сохранять свое семантическое и синтаксическое приложение. *Французское слово pazi живет, по большому счету, своей жизнью и от немецкого Nazi практически ни в чем не зависит.* Теоретически можно даже представить себе такую парадоксальную ситуацию: в Германии слово *Nazi* вообще забудется и членов гитлеровской партии станут называть исключительно «национал-социалистами», во Франции же они останутся *pazis*. Другими словами, в языке могут сохраняться такие иностранные формы, которые в стране происхождения уже отпали.

P.S.

I

К с. 264 [с. 34]: На глаза мне сейчас попала одна заметка из национал-социалистической газеты «Fränkische Tageszeitung» [чит. Tageszeitung], где слово *Nazi* употребляется в хвалебном смысле: «Karl Liebig ist ein alter, erprobter Nazi» [Карл Либиг – старьёй, испытанный наци] (речь идет об убийстве в замке Вальтерсгаузен). Но это скорее всего региональное (южное) словоупотребление.

К с. 266 [с. 36]: Грамматические сложности, с которыми оборот *national-socialiste* сопряжен во французском языке, хорошо видны по гибридным формам вроде «un contrôle des formations nationale-socialistes» (так в «Le Temps» от 24 февраля 1934 года). Сравнить это в какой-то степени можно с оборотом *les néos-socialistes* (см. статью Б[енжамена] Кремье в «Nouv[el]le] Rev[ue] Fran[çaise]» (1934. P. 699)); наложение: *les néo-socialistes + les néos*.

Популярностью слова *nazi* во французском языке объясняется и тот факт, что понятие *der Hitlergruß* [гитлеровское приветствие] переводят не как *il salut hitlérien*, а как *il salut Nazi(ste)*, *il salue nazi* (ср. у Ф[ердинанда] Брукнера в «Les races»).

Отсутствием составных слов объясняется скорее всего и то, почему книгу Лиланда Стоу «*Nazi Germany means war*» [«*Нацистская Германия готовит войну*»] перевели на французский под названием «*Hitler, est-ce la guerre?*» [«*Гитлер – это война?*»]. Французы, таким образом, неохотно пользуются переводным оборотом *L'Allemagne Nazi*; псевдогеографическое название (по типу *Bochie: Nazi-ie?*) оказывается фонетически невозможным; в то же время в слове хочется отразить характер живых представителей режима – так выбор и пал на рассматриваемое слово, максимально репрезентативное.

К с. 267 [с. 37]: Мне удалось найти *один* пример со словом *nazisme* (в «Le Temps» от 24 февраля 1934 года), но и здесь есть полемический нюанс: «Он [Гитлер] посчитал, что это второе дело [награждение шведского конькобежца] важнее, чем первое [конференция г-на Розенберга]: неудивительно, ведь с прописными истинами о миссии *нацизма* [sur la mission du nazisme] он и без того неплохо справляется». В немецком языке такого слова и быть не может, ведь просторечное шуточное прозвище – а слово *Nazi* именно таково или по крайней мере к этому восходит – невозможно гармонизировать с суффиксом *-ismus*, который явно указывает на какую-то объективность. Этим наблюдением еще раз подтверждается уже высказанная идея: во французском языке, в отличие от немецкого, слово *Nazi* стало «объективным».

II

Профессор Фридендер в связи с моей заметкой об «автархии» (см. «Le Français moderne» от января 1934 года, р. 29), указал мне на следующее обстоятельство: у Диона Кассия греческое *'autarkhia* (а эта форма, как утверждает – по докумен-

там? – г-н Луи Руссель, прижилась в греческом языке) представляет собой переводную кальку с латинского *imperium* (ср. с *'autokratoria*). Похоже, что слово *'autarkeia* (медицинский и политический термин) ассимилировалось во французском вместе с группой других слов на *-archie* (*monarchie* и т.д.) без влияния со стороны этой изолированной формы *'autarkhia*.

Перевод с французского Дмитрия Колчигина